0 5/103

3.
103.

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕТРОВСКАГО ЮБИЛЕЯ.

3-я и 4-я Бесѣды о Петрѣ Великомъ уже печатаются и въ нихъ будутъ помѣщены біографическія свѣдѣнія о сотрудникѣ Великаго Монарха, князѣ Долгоруковѣ, прозванномъ *русскимъ катономъ* съ замѣткою о Новгородскомъ купцѣ Иголкинѣ, бывшемъ съ нимъ вмѣстѣ въ шведскомъ плѣну. Къ этому выпуску будетъ приложенъ портретъ князя и сцена, изображающая любовь Иголкина къ Петру Великому. Въ 4-й Бесѣдѣ изобразится дѣятельность Монарха-юбиляра по постройкѣ храмовъ и будутъ приложены рисунки, изображающіе виды храмовъ Троицкаго, что на Петербургской сторонѣ, и Добровицкаго, созданныхъ подъ руководствомъ Вѣнценоснаго Храмоздателя.

Желающіе могутъ выслать *одинъ* рубль на пять бесѣдъ и фамиліи подписчиковъ будутъ напечатаны, то при ихъ содѣйствіи изданіе можетъ осуществиться въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Книгопродавцамъ сдѣлается уступка, если онѣ за одинъ разъ потребуютъ не менѣе 100 экземпляровъ.

Сочиненія и изданія А. Д. Ивановскаго.

---

1) Археологическія изслѣдованія государственнаго канцлера графа **Н. П. Румянцева**, и митрополита кіевскаго **Евгенія**, съ указаніемъ значенія библіотекъ въ Россіи и важности заслугъ **Петра Дубровскаго**, барона **М. А. Корфа** и ген.-адъютанта **Н. В. Исакова**. Кіевъ. 1869 г. цѣна 50 коп.
2) **Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ** и его картинная русская галлерея. Спб. 1870 8°.
3) **Иванъ Михайловичъ Снегиревъ и дневникъ его воспоминаній**. Спб. 1871. 8°, 496 стр., цѣна 2 руб.
4) **Двѣ портретныя галлереи, изданныя съ Высочайшаго соизволенія**; Одна по поводу посѣщенія Славянами Импера-

О 5. / 103. (2 экз.)

БЕСѢДЫ

О

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

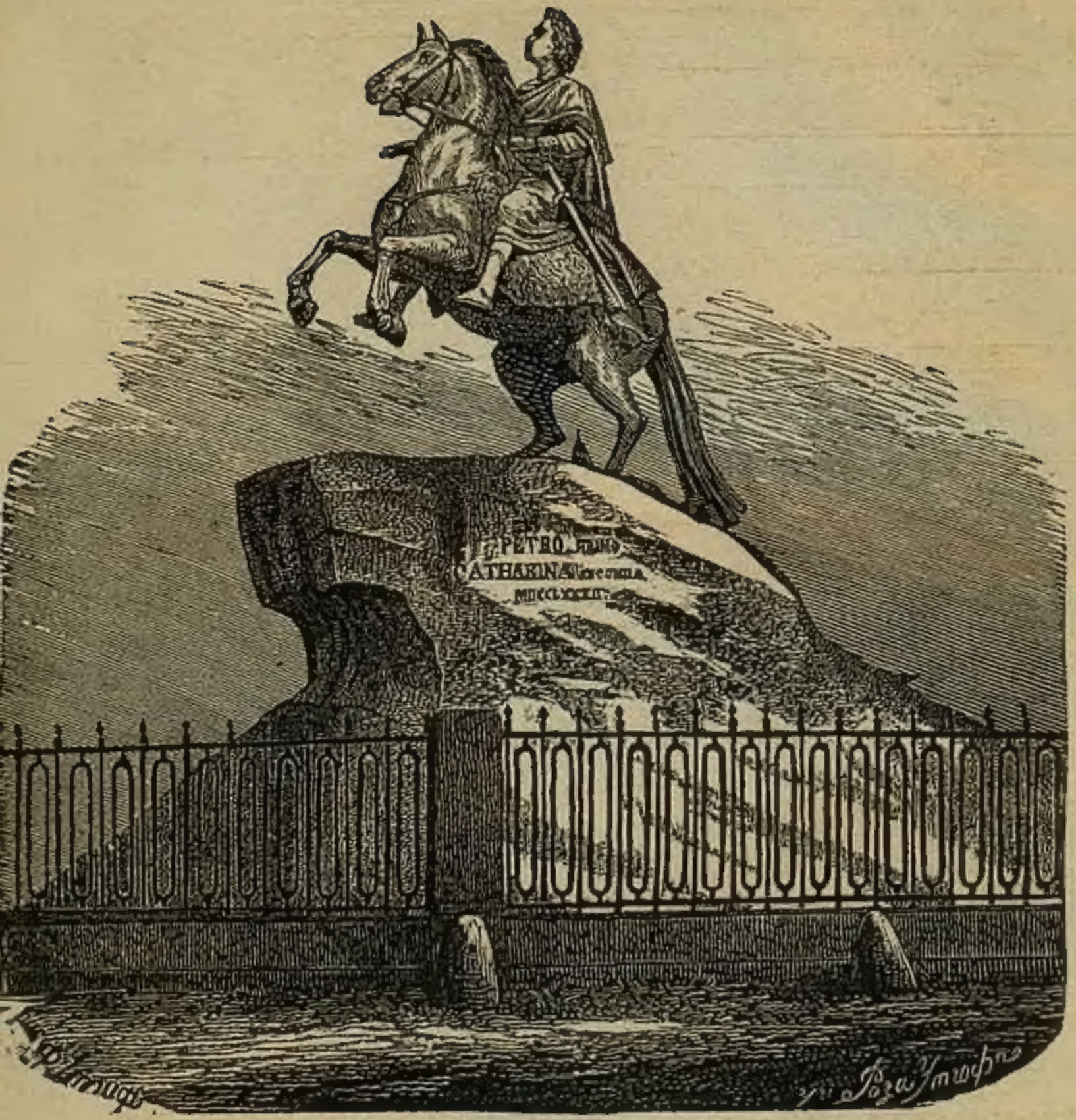
И

ЕГО СОТРУДНИКАХЪ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ИЗОБРАЖЕНІЯ ПАМЯТНИКА И ПЕРЕВОЗКИ КАМЕННОЙ СКАЛЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.


PETRO
CATHARINA

По случаю Петровскаго юбилея читанныя мною въ городской думѣ и русскомъ купеческомъ обществѣ лекціи о Петрѣ Великомъ, являются теперь въ печати по желанію многихъ моихъ слушателей.

Съ Бесѣдами о Преобразователѣ Россіи печатаются и очерки *птенцовъ* его, занявшихъ почетное мѣсто на страницахъ отечественныхъ лѣтописей. Въ очеркахъ этихъ рельефно изображается и характеристика трудовъ венценоснаго на тронѣ работника.

Умѣренная цѣна и популярное изложеніе Бесѣдъ, съ приложеніемъ картинъ и портретовъ, позволяютъ надѣяться лектору-издателю, что свѣдѣнія о петровской эпохѣ и великихъ дѣлахъ Императора-юбиляра, въ виду готовящихся во всей Россіи юбилейныхъ празднествъ, въ память заслугъ его, благосклонно будутъ приняты публикою.

*

Хотя предлагаемый трудъ не заключаетъ въ себѣ новыхъ историческихъ фактовъ, но, по болѣе или менѣе удачной группировкѣ обще-извѣстныхъ событій, онъ не можетъ быть лишнимъ для семейнаго чтенія. Если аудиторія лектора не была безъ слушателей, то, быть можетъ, и печатныя его лекціи о Петрѣ Великомъ—не останутся безъ читателей.

Принося чувствительную признательность Городской Думѣ и Правленію Общества за предоставленную мнѣ возможность—подѣлиться съ любознательною публикою знаніями, хотя и отрывочными, о жизни и дѣятельности великаго Царя, издатель покорнѣйше проситъ представителей народнаго образованія, и преимущественно земства — оказать ему просвѣщенное содѣйствіе къ распространенію первой и второй бесѣды, чѣмъ облегчится возможность напечатанія и слѣдующихъ за тѣмъ бесѣдъ, для которыхъ картины и портреты уже заготовлены.

Профессоръ Императорской Римско-Католической Духовной Академіи *А. Ивановскій.*

3 Мая, 1872 года,
по Фонтанкѣ № 102,
квартъ. № 62.

БЕСѢДА

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

О памятникѣ Петру I и бывшихъ предъ нимъ юбилейныхъ празднествахъ, о ботикѣ и домикѣ Петра Великаго.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Пушкинъ.

Кто изъ насъ, проходя чрезъ Петровскую площадь, не останавливался предъ памятникомъ Петра I и не удивлялся мудрой Екатеринѣ, умѣвшей выразить въ немъ чрезвычайную предпріимчивость и смѣлость основателя Петербурга, Великаго Царя,

который устроилъ и просвѣтилъ Россію, сдѣлавъ ее сильною и могущественною? Но приходилось-ли кому-либо изъ насъ, при обозрѣніи этого памятника, подумать о томъ, сколько нужно было употребить трудовъ и неимовѣрныхъ усилій—построить этотъ дивный памятникъ, приводящій въ изумленіе не только насъ, но и иностранцевъ?

Исторія сооруженія этого памятника такъ занимательна и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительна, что она вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы ее вкратцѣ разсказать, по поводу предстоящаго въ маѣ юбилейнаго празднества. Празднество это, главнымъ образомъ, будетъ сосредоточено у подножія памятника Великаго Преобразователя Россіи.

Изъ исторіи сооруженія его съ удовольствіемъ мы убѣдимся въ великой находчивости русскаго ума и удивительной настойчивости русскаго человѣка — побѣждать препятствія, встрѣчаемыя при осуществленіи предпринятаго уже дѣла.

На памятникѣ мы видимъ Императора скачущимъ на мощномъ конѣ на громадную скалу и достигающимъ вершины ея. Скала эта необдѣлана: она представляла собою дикій камень въ первобытномъ состояніи. Для полнаго выраженія идеи, соотвѣт-

ственно желанію Императрицы Екатерины II, скала необходимо должна была быть необыкновенной величины, и тогда только всадникъ, на ней поставленный съ лошадью, могъ производить сильное впѣчатлѣніе на зрителя.

Поэтому первымъ существеннымъ и самымъ важнымъ вопросомъ, при началѣ постройки памятника, было — пріисканіе огромнаго, исполинскаго камня, долженствовавшаго служить подножіемъ памятнику, и за тѣмъ доставленіе его на мѣсто, гдѣ предполагалось сооруженіе монумента.

Первая мысль была составить это подножіе для всадника изъ нѣсколькихъ камней, которые предполагалось соединить желѣзными или мѣдными скобами. Но бывшій тогда полиціймейстеръ кадетскаго корпуса графъ Карбурій—первый высказалъ противъ этого предположенія основательное мнѣніе, что подножіе должно быть непремѣнно составлено изъ одного цѣльнаго камня: потому что скобы отъ времени будутъ ржавѣть, за тѣмъ ломаться, отчего связь соединенныхъ камней можетъ рушиться.

Императрица признала мнѣніе графа Карбурія заслуживающимъ вниманія и нашла необходимымъ, согласно этому мнѣнію, Высочайше повелѣть—пред-

ставить проектъ постройки памятника на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Проектъ составленъ, и въ 1768 г. представленъ, согласно указу. Сенаторы для осуществленія проекта увидѣли почти непобѣдимыя затрудненія во *первыхъ*—въ пріисканіи исполинскихъ размѣровъ камня, и во *вторыхъ* — еслибы таковый отыскался, въ трудности и непреоборимыхъ препятствіяхъ къ доставленію цѣльнаго гранита, еслибы даже и изъ шести кусковъ представилось возможнымъ составить требовавшейся величины подножіе для предполагавшагося памятника.

Но, желая исполнить волю Монархини, они рѣшились утвердить проектъ графа Карбурія; и за ними остается честь и слава, что наша столица украсилась величественнымъ памятникомъ; доставка же гигантской скалы на мѣсто составляла тогда чудо механики.

Графу Карбурію гораздо легче было доказывать ненадежность сложнаго пьедестала, чѣмъ пріискать цѣльный гранитъ и, не смотря на продолжительные поиски въ окрестностяхъ Петербурга, не представлялось никакой надежды найти соотвѣтственной величины скалу для подножія памятника. Это обстоятельство заставило опять возвратиться къ

прежней мысли—составить основаніе; изъ отдѣльныхъ камней и великая мысль графа Карбурія оставлена, при встрѣтившейся невозможности осуществить ее.

Опытные офицеры-инженеры были разосланы по всѣмъ направленіямъ окрестностей Петербурга для поисковъ камней; но ни одному изъ нихъ не посчастливилось отыскать камней, которыхъ вѣсъ простирался бы до 25,000 пудовъ и цвѣтъ которыхъ былъ бы одинаковый и принадлежалъ бы одной скалѣ.

Послѣ неудачныхъ поисковъ въ окрестностяхъ Петербурга найденъ былъ близъ Кронштадта камень, составлявшій, по величинѣ и вѣсу, почти половину предполагаемаго пьедестала. Этотъ камень полагали соединить съ другими кусками гранита, еслибы таковые отыскались въ Финляндіи.

Найденный камень предписано было Адмиралтейству доставить въ Петербургъ; но оно не могло исполнить этого порученія: ибо ни одинъ изъ механиковъ не могъ придумать способа доставки его въ столицу, и находка эта, по случаю встрѣченныхъ непреоборимыхъ препятствій, не привела ни къ какимъ положительнымъ послѣдствіямъ.

Императрица, недовольная медленностью поисковъ

и нераспорядительностію Адмиралтейства, назначила самаго гр. Карбурія распорядителемъ работъ, въ полной надеждѣ на его энергическія мѣры къ осуществленію проекта, имъ же самимъ представленнаго.

При всемъ желаніи оправдать Высочайшее довѣріе, онъ не могъ нигдѣ отыскать однородныхъ камней опредѣленной величины, хотя и придумалъ способъ, какимъ образомъ сдвинуть съ мѣста огромную скалу, еслибы ему посчастливилось отыскать ее. Современники смотрѣли на планы Карбурія съ недовѣрчивостію и считали таковые невозможными къ осуществленію; онъ же, и среди всеобщаго къ его плану недовѣрія, твердо и неуклонно шелъ къ цѣли, ободряемый Императрицею, вѣрившею ему и раздѣлявшею его мнѣніе.

Во время такого неопредѣленнаго положенія дѣла о пріисканіи нужнаго камня, къ Карбурію явился казенный крестьянинъ Семенъ Вешняковъ съ радостною для него вѣстью, что въ болотистомъ лѣсу, близъ деревни Лахты, въ Кареліи, лежитъ огромный камень, на которомъ нѣкогда стоялъ Петръ Великій, обозрѣвая мѣсто сраженія, при началѣ Шведской войны.

Обрадованный этимъ указаніемъ, графъ немедленно

отправился для осмотра скалы, которая тѣмъ болѣе отвѣчала своему назначенію, что была, такъ сказать, освящена, по преданію, воспоминаніями о самомъ Петрѣ. Воспоминанія эти о Великомъ Монархѣ еще болѣе утвердили Карбурія въ необходимости воспользоваться камнемъ для памятника.

Въ какомъ же положеніи нашелъ онъ эту скалу? Скала лежала глубоко въ болотѣ на 15 футовъ и обросла на полтора дюйма мхомъ, по очисткѣ котораго она оказалась совершенно годною для предполагаемой цѣли. Длина скалы, имѣвшей видъ отлогаго, продолговатаго четыреугольника, составляла 44 фута, вышина 27, а ширина 22 фута. Полагая каждый кубическій футъ гранита въ 4 пуда 29 фунтовъ, она вѣсила болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ или до ста тысячъ пудовъ. Въ скалѣ находилась въ вышину и ширину трещина, которою отдѣлялся выдавшійся уголъ и которою чрезвычайно облегчалась обработка ея. Трещина имѣла около $1\frac{1}{2}$ футовъ ширины и была наполнена землею, въ которой росло пять большихъ березъ, до 25 футовъ вышиною. По преданію мѣстныхъ крестьянъ, удачный расколъ скалы образовался отъ удара молніею.

Неожиданнымъ образомъ найденный годный ка-

мень устранилъ первую заботу, и гр. Карбурій представилъ Бецкому модель; но вслѣдъ за тѣмъ явился новый и весьма важный вопросъ: «*какимъ образомъ перевезти скалу, вѣсомъ въ* 100,000 *пудовъ*»?

Если не могли тронуть съ мѣста вдвое меньшій камень, найденный у Кронштадта: то какъ можно было надѣяться доставить изъ Финляндіи въ Петербургъ такую громадную глыбу и притомъ добыть ее изъ болота. Но для русскаго человѣка нѣтъ ничего невозможнаго, и всѣ работы древнихъ и новѣйшихъ временъ блѣднѣютъ въ сравненіи съ этимъ гигантскимъ предпріятіемъ. Правда, мы находимъ въ исторіи примѣры приведенія въ движеніе человѣческими силами величайшихъ массъ, какъ напр. въ Индіи и Египтѣ; но вѣсъ громаднаго камня равнялся тремъ большимъ обелискамъ.

За 200 слишкомъ лѣтъ предъ тѣмъ, въ концѣ XVI столѣтія, по повелѣнію Папы Сикста V, Фонтонъ, знаменитый механикъ и художникъ того времени, поставилъ въ Римѣ обелискъ, стоившій неслыханныхъ усилій механики; но со скалою Финляндскою требовалось этихъ усилій втрое болѣе.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ предпріятіе полиціймейстера считали неисполнимымъ. Предполага-

лось разбить скалу на шесть частей и, по одиночкѣ, каждую изъ нихъ перевезти въ Петербургъ. Но если бы и рѣшились на эту мѣру, то и здѣсь представлялись нѣкоторыя сомнѣнія. Рѣшившись разсадить скалу порохомъ, можно ли было быть увѣреннымъ, чтобы она, развѣ какимъ нибудь чудомъ, раздѣлилась именно по желаемымъ направленіямъ; напротивъ того, скорѣе нужно было ожидать, чего боялись и что навѣрно предполагали, что скала при взрывѣ могла раздробиться на небольшіе неровные куски. Если бы рѣшились распилить скалу, то эта операція представила бы собою трудное для исполненія дѣло: ибо скала была крѣпка, какъ порфиръ, и нелегко могла бы податься пилѣ.

Всѣ эти соображенія, приводили Карбурія въ отчаяніе, и онъ болѣе и болѣе убѣждался, что придумываемые способы, относительно перевозки скалы, по частямъ были непрактичны и представляли собою трудности, почти непреодолимыя. Но, не желая отступать отъ разъ придуманнаго способа, онъ возвратился къ прежней мысли—перевезти въ Петербургъ камень всею массою, въ цѣломъ составѣ только; и это предпріятіе чуть-ли было еще не труднѣе всѣхъ другихъ предположеній.

И дѣйствительно, соображая только тѣ условія, при которыхъ нужно было осуществить это предпріятіе, вполнѣ убѣдимся, что только русскій человѣкъ способенъ переносить и стотысячную пудовую тяжесть.

Скала находилась въ 21 верстѣ отъ Петербурга, лежала на глубинѣ 15 футовъ въ болотѣ, изъ котораго возвышалась только на 6 футовъ. Должно было перевезти ее чрезъ протоки, чрезъ большое пространство земли и чрезъ Неву; а камень вѣсилъ, какъ мы уже сказали, до ста тысячъ пудовъ.

При всей предполагаемой и очевидной невозможности, казалось бы, трудно было рѣшиться взяться за это дѣло; но графъ Карбурій донесъ министру Бецкому, что онъ доставитъ въ Петербургъ камень.

Со всѣхъ сторонъ посыпались на него насмѣшки, колкія замѣчанія, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ будетъ руководить работами при перевозкѣ камня, но онъ нисколько не поколебался. Этимъ всеобщимъ недовѣріемъ еще болѣе было подстрекнуто его самолюбіе, побуждавшее осуществить задуманное, тѣмъ болѣе, что Государыня, сильно желавшая скорѣе соорудить памятникъ, приказывала ему немедленно приступить къ работамъ.

Само собою разумѣется, что спачала испытывали разные пріемы. Предполагали сдвинуть скалу на каткахъ; но такъ-какъ катки должны быть очень длинны, а давленіе было бы неимовѣрно велико: то дерево и желѣзо не могли бы выдержать подобной несоразмѣрной тяжести.

За тѣмъ, предполагали сдѣлать катки изъ литой мѣди, но они сами по себѣ были бы слишкомъ тяжелы. При этомъ можно было предвидѣть, что они не останутся всегда въ параллельномъ направленіи подъ неровной тяжестью; а поперечныя брусья не принесли бы никакой пользы, но только увеличили бы треніе.

Всѣ эти обстоятельства были зрѣло обдуманы, неудачи взвѣшены и препятствія обсуждены. Въ-слѣдствіе чего Карбурій рѣшился перевезти тяжесть на ядрахъ, которыя, какъ извѣстно, касаются ровной плоскости только въ одной точкѣ, хотя на этихъ точкахъ лежитъ и большая тяжесть. Для наглядпаго пониманія этого дѣла онъ придумалъ модель, которая могла нести десятую часть вѣса скалы, положилъ на нее тяжесть и представилъ модель Бецкому. Сей послѣдній чрезвычайно былъ удивленъ, что такая большая тяжесть могла легко двигаться

отъ прикосновенія къ ней пальцемъ и тогда только онъ увѣрился въ возможности передвиженія громадной скалы.

Послѣ этихъ предварительныхъ опытовъ, работы по передвиженію камня начались; и всѣ, заявлявшіе неудовольствіе противъ гр. Карбурія, смолкли и оставались въ ожиданіи, какой будетъ конецъ этому дѣлу, которымъ интересовался весь Петербургъ.

Ходъ работъ по передвиженію камня составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ описанія памятника Петру I; и мы полагаемъ, что нынѣ разсказъ объ этихъ работахъ, даже при своей технической спеціальности, можетъ представить большой интересъ, а поэтому заслуживаетъ вниманія тѣхъ, для кого небезъинтересно узнать о небывалой еще въ XVIII столѣтіи подобной попыткѣ. О передвиженіи камня въ это время говорила вся Россія; имъ интересовались европейскіе математики. Какъ самъ Петръ Великій при жизни совершилъ исполинскіе подвиги, такъ и для сооруженія ему памятника нужно было употребить гигантскія усилія.

Предварительныя работы начались съ постройки близъ скалы казармъ для помѣщенія 400 работниковъ; въ лѣсу прорубили просѣку въ 120 футовъ

ширины, до самой Невы для того, чтобы въ наступающую зиму морозъ глубже захватилъ землю и приготовилъ такимъ образомъ крѣпкую дорогу. Рабочіе много терпѣли отъ нездороваго климата; больныхъ замѣняли здоровыми, и работа продолжалась успѣшно. Къ декабрю вырыли около скалы широкій ровъ, въ 15 футовъ глубины, на пространствѣ 84 футовъ, для помѣщенія машинъ. Потомъ сдѣлали отлогій скатъ въ 56 футовъ шириною и 600 футъ вышиною, чтобы двинуть скалу на прямую дорогу по наклонной плоскости. Морозъ благопріятствовалъ работамъ, производимымъ, большею частью, на болотистой почвѣ.

Когда работы около камня были кончены, Карбурій приказалъ сдѣлать двѣнадцать рычаговъ, каждый изъ трехъ деревьевъ, отъ 15 до 18 дюймовъ въ діаметрѣ и 65 футовъ длины. Рычаги были устроены въ крѣпкихъ трехъ-угольныхъ пирамидахъ, и на нихъ сила должна была дѣйствовать посредствомъ веревокъ и домкратовъ. Точки опоры рычаговъ были въ двухъ футахъ отъ камня. Опытомъ узнали, что, при давленіи на длинный конецъ 150 пудовъ, каждый рычагъ могъ поднять тяжесть въ 5000 пудовъ, слѣдовательно всѣ вмѣстѣ могли под-

нять 60,000 пудовъ: сила достаточная для того, чтобы поставить камень на подмостки въ желаемомъ положеніи. Кромѣ того въ камень были вдѣланы рамы для движенія впередъ.

Съ немалымъ усиліемъ подняли скалу съ одного бока; а чтобы она не опрокинулась и отъ того не повредились рычаги и даже самый камень, устроили шпили и по другую сторону; бревна, на которыя должна была лечь скала, туго обложили на 6 футовъ мхомъ и сѣномъ, и на нихъ спустили ее совершенно спокойно.

Въ мартѣ 1769 года, скала лежала уже вся на подстилкѣ. Въ продолженіи лѣта она оставалась на мѣстѣ, потому что болотистая и мягкая почва не были въ состояніи перенести такой тяжести; передвиженіе же камня намѣревались начать, когда земля снова замерзнетъ.

Въ ожиданіи зимы были приготовлены 12 бревенъ, каждое длиною въ 33 фута, шириною 18 дюймовъ и толщиною въ 12 дюймовъ. Въ бревнахъ на широкой сторонѣ были жолоба въ 2 дюйма глубины, выложенные мѣдью. На концахъ съ боковъ находились крючки и петли, которые служили для соединенія ихъ. Подобныя бревна съ жолобами, по-безъ

крючковъ на концахъ, находились подъ камнемъ и были такъ устроены, что жолобъ верхняго бревна приходился на жолобъ нижняго и удобно могли двигаться ядра, посредствомъ которыхъ Карбурій думалъ привести въ движеніе скалу. Такимъ образомъ тяжесть должна была покоиться на верхнихъ бревнахъ, а тѣ на ядрахъ. Верхнія бревна должны были оставаться неподвижными подъ камнемъ, только нижнія слѣдовало отнимать сзади и перекладывать впередъ, во время движенія скалы. Выстлать всю дорогу до залива такими бревнами съ жолобами— требовало чрезвычайныхъ издержекъ; приготовленныя же вышеупомянутой конструкціи были и дешевле и удобнѣе.

Шесть паръ бревенъ, утвержденныхъ подъ камнемъ, сообразно разстоянію, были удалены одно отъ другаго на 17 футовъ; подвижныя перекладины, желѣзные прутья и большія скобы держали ихъ въ опредѣленномъ разстояніи и препятствовали сдвинуться съ должнаго направленія. По сторонамъ скалы и подъ нею укрѣплены были доски, на которыхъ помѣщались рабочіе съ палками, чтобы направлять ядра и не допускать ихъ касаться другъ друга или останавливаться. Двинуть съ мѣста скалу ду-

мали посредствомъ шпилей; для этого вдѣлали въ скалу кольца, въ которыя закрѣпили веревки въ полтора дюйма въ діаметрѣ. Даже часть камня, по преданію, оторванную молніею, хотѣли везти вмѣстѣ, чтобы сохранить равновѣсіе всей массы, которая, безъ такой предосторожности, легко могла опрокинуться, при движеніи на возвышенныя мѣста. При этомъ все-таки были сдѣланы сзади подставы; но какъ и затѣмъ равновѣсіе оказалось еще не совсѣмъ установленнымъ, то устроили кузницу на передней части камня. Сзади на тормозахъ находилась караульня и множество саней съ нужными вещами. Все это должно было двинуться вмѣстѣ со скалой по первому сигналу.

Сверхъ того надобно было еще придумать устройство для поворотовъ скалы, которая повсегда могла слѣдовать по одному направленію. Для этого были сдѣланы изъ дуба два большія колеса, 12 ф. въ діаметрѣ, лежащія плашмя одно подъ другимъ. На внутреннихъ бокахъ ободовъ были также устроены металлическіе жолоба для помѣщенія ядеръ. При посредствѣ этихъ колесъ и укрѣпленныхъ съ боку шпилей легко было обращать скалу по желаемому направленію.

Въ дополненіе ко всему сдѣланному надобно было приготовить еще и самую дорогу. Прежде всего начали вбивать въ землю большіе сваи въ разстояніи одна отъ другой на 50 сажень, чтобы къ нимъ прикрѣплять шпили. Потомъ вездѣ, гдѣ земля была болотиста и не могла глубоко промерзнуть, вбивали сваи и сдирали мохъ, чтобы морозъ легче могъ проникнуть вглубь; на нѣкоторыя мѣста возили песокъ, другія заваливали фашинами. Снѣгъ, который могъ препятствовать дѣйствію мороза, былъ безпрестанно сметаемъ съ дороги.

Все лѣто и осень 1769 года прошли въ приготовленіяхъ. Скала все еще лежала на той подстилкѣ, на которую ее подняли въ мартѣ мѣсяцѣ. Зимой съ 1769 на 1770 годъ хотѣли ее двинуть на ядрахъ впередъ. Перестановка скалы съ мѣста на бревна съ жолобами производилась съ помощью двѣнадцати колосальныхъ винтовъ, изъ которыхъ каждый поднималъ до 6,300 пудовъ. Съ небольшимъ усиліемъ подняли скалу на этихъ винтахъ, тотчасъ убрали прежніе лѣса и подвели бревна съ жолобами. Но когда спустили совершенно камень, то желѣзныя ядра лопнули, какъ орѣховая скорлупа.

При видѣ такой неудачи Карбурій приказалъ сдѣ-

лать ядра изъ литой мѣди (олова, шпіаутера и мѣди). Злоязычники должны были опять замолчать, потому что новыя ядра не повредились отъ чрезмѣрной тяжести. Впереди были устроены четыре шпиля, по 32 человѣка на каждый; канаты были вытянуты и все приготовлено для перваго движенія. Барабанщикъ на вершинѣ скалы далъ сигналъ и исполинъ—камень пошелъ впередъ по своёму пути безъ особеннаго напряженія со стороны работниковъ. Можно легко представить себѣ радость Карбурія и рабочихъ.

Но первое движеніе было самое трудное, потому что камень долженъ былъ двинуться въ гору; и только что успѣли скалу перевезти шаговъ на 60, какъ она вдругъ погрузилась въ землю на полтора фута, однакожъ шпили и рычаги скоро ее подняли, и тогда путешествіе странствующей горы продолжалось безъ особенныхъ приключеній. Подъ гору работало отъ 4 до 6 шпилей, а на равномъ мѣстѣ—только отъ двухъ до трехъ; при спускахъ же должно было употреблять шпили и сзади, потому что камень собственною тяжестью катился впередъ. Не смотря на то, что день и ночь работали шпили, скала подвигалась отъ 30 до 200 саженъ въ сутки. Впрочемъ

такая медленность въ сравненіи съ тяжестью не удивительна. Легко было предвидѣть счастливое окончаніе, можно сказать, дерзкаго предпріятія, исполненіе котораго, нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, считали почти невозможнымъ.

Благодарность графу Карбурію была всеобщая: не только жители Петербурга являлись смотрѣть на чудо, какъ 100,000 пудовая скала путешествуетъ на придуманныхъ рельсахъ, когда еще и помину не было о теперешнихъ рельсахъ съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, но съ отдаленныхъ концовъ обширной Имперіи стекались любопытные. Даже англичане, не говоря уже о другихъ иностранцахъ, не могли безъ удивленія смотрѣть на чудо механики, придуманной изобрѣтательностью русскаго ума.

Жестокая зима не остановила Императрицу пріѣхать со всѣмъ дворомъ посмотрѣть на странствующую скалу.

И въ самомъ дѣлѣ, не могло не быть любопытнымъ видѣть чудный перевозъ исполинской каменной горы. Вверху на ней 40 человѣкъ безпрестанно стучали молотками, чтобы придать камню желательный видъ и требуемый размѣръ. Кузница дѣятельно поправляла небольшія поврежденія. Звукъ пѣсень людей,

работавшихъ на шпиляхъ, весело вторилъ общей дѣятельности, и страна, бывшая прежде безмолвнымъ боромъ, оживилась.

Черезъ 4 недѣли скала невредимо достигла до Невы, пройдя около четырехъ верстъ.

Ежели сухопутный транспортъ гигантской горы требовалъ такихъ чрезвычайныхъ усилій, то доставка ея водою едвали не представляла собою еще болѣе трудностей и опасностей. На способъ этой доставки обратимъ вниманіе тѣхъ, которые интересовались и доставкою ея сухимъ путемъ.

У берега была сдѣлана плотина въ 1200 футовъ длины и 50 футовъ ширины; надобно было везти скалу на плотинѣ до фарватера. Она состояла изъ множества свай, вбитыхъ въ дно залива и достигавшихъ поверхности воды; онѣ были переплетены между собою новыми вѣтвями и соединены желѣзными скобами. Къ этимъ сваямъ были прикрѣплены поперечныя бревна, которыя составили такимъ образомъ дорогу для скалы, построенную у берега. На эту плотину Карбурій положилъ камень и сдалъ его адмиралтейству, которое сдѣлало чрезвычайныя приготовленія для доставки скалы Невою въ Петербургъ.

Для этой новой операціи было построено судно въ 180 футовъ длины, 60 ширины и 17 вышины, способное поднять до 100,000 тоннъ. Въ срединѣ его была устроена крѣпкая палуба, на которую хотѣли поставить камень. Но при всемъ томъ тяжесть нужно было такъ размѣстить, чтобы судно не могло касаться дна Невы, глубина которой при устьѣ только 8 футовъ.

Чтобы при нагрузкѣ не колебать судно и не уронить камень въ воду, судно затопили у самой плотины и разобрали бортъ, возвышавшійся до 6 футовъ надъ плотиною; посредствомъ шпилей на нѣсколькихъ судахъ, поставленныхъ не вдалекѣ на якорѣ, втащили камень на назначенное ему мѣсто, послѣ чего задѣлали опять бортъ и помпами начали выкачивать воду. Но, не смотря на всѣ усилія помпъ, тяжесть была такъ велика, что только одни концы судна начали подниматься изъ воды. Наконецъ затрещала обшивка, потомъ бимсы и сильная течь уничтожила прежнія работы. Не взирая на видимую невозможность поднять судно, увеличили число работавшихъ при помпахъ до 400 человѣкъ; но судно все болѣе и болѣе кривилось. Нѣсколько недѣль прошло въ напрасномъ трудѣ

поднять судно съ камнемъ. Лѣто приходило къ концу. Наступилъ сентябрь съ его ужасными бурями.

Осенняя непогода представляла видимую опасность и угрожала окончательнымъ разрушеніемъ судну и всѣмъ сдѣланнымъ приготовленіямъ; но что всего важнѣе, при этомъ и самый камень могъ утонуть.

Адмиралтейство ничего не могло придумать для спасенія камня. Министръ Бецкій именемъ Императрицы приказалъ Карбурію принять мѣры къ вытащенію скалы на плотину и вмѣстѣ съ симъ объявилъ отъ Императрицы 7.000 р. въ награду тому, кто изобрѣтетъ способъ—спасти скалу, вытащивъ ее изъ Невы, и доставить въ Петербургъ.

Преданіе говоритъ, что, въ слѣдствіе этого объявленія, явился къ Карбурію бѣдный русскій кузнецъ (фамилія котораго не уцѣлѣла для потомства), который открылъ ему способъ—какъ вытащить изъ воды скалу, и что будто-бы графъ отдѣлался отъ изобрѣтателя кузнеца 20 р., а всю сумму, назначенную въ награду, взялъ въ свою пользу. Но едвали это вѣроятно, скорѣе — выдумано завистниками славы Карбурія.

Изслѣдовавъ причины неудачъ всѣхъ дѣйствій,

произведенныхъ на суднѣ, Карбурій приступилъ, съ свойственною ему энергіею, къ исполненію воли Императрицы и вотъ въ какомъ положеніи нашелъ это дѣло.

Носъ и корма судна поднимались при выкачиваніи воды оттого, что тяжесть была неравно расположена по всему судну: камень занималъ 42 фута въ длину, судно же имѣло 180 ф. слѣдовательно порожняго мѣста оставалось по 70 ф. на каждой сторонѣ. По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ Карбурій велѣлъ приготовить простыя крѣпкія подпоры разныхъ величинъ и намѣревался на нихъ наложить скалу такъ, чтобы онѣ упирались концами въ отдаленныя части судна и, поддерживая подмостки камня, разносили бы такимъ образомъ тяжесть по всему судну. Судно снова затопили, двинули на него скалу, подняли ее домкратами и опустили ее на подпоры, и скала легла всею тяжестью равно на всѣ части судна.

Работы помпами возобновились и судно вскорѣ поднялось изъ воды совершенно ровно всѣми частями. Для большой безопасности прикрѣпили по обѣимъ сторонамъ судно къ большому плоту и вся гро-

мада тянулась за возами якорей, присланныхъ адмиралтействомъ.

. 22 сентября, въ день коронованія Императрицы, скала, совершивъ 12 верстъ плаванія, проплывъ мимо Зимняго Дворца, прибыла благополучно къ тому мѣсту, противъ котораго на площади предположено было воздвигнуть памятникъ. Вечеромъ блестящая иллюминація освѣтила городъ; и исполинскій камень, столь давно желанный гость, былъ всеобщимъ предметомъ для разговора жителей столицы.

Послѣ благополучнаго совершенія перевозки камня, сухимъ и водянымъ путемъ, оставалось еще преодолѣть немало затрудненій—выгрузить камень. Тамъ, гдѣ это нужно было сдѣлать, Нева была слишкомъ глубока, и потому нельзя было опять погрузить судно на дно. Поэтому Карбурій приказалъ вдоль берега рѣки набить шесть рядовъ свай, которыя покрылись водой на 8 ф. для того, чтобы судно могло спокойно на нихъ лежать и, при выгрузкѣ скалы, не кривилось подъ тяжестью.

Когда судно поставили на сваи, то Карбурій, для предупрежденія перелома судна, неизбѣжнаго при отъемѣ подпоръ, приказалъ укрѣпить нѣсколько

бревенъ такъ, что одними концами они упирались въ берегъ, а другими достигали окопечности судна. Кромѣ того было положено еще шесть большихъ, мачтовыхъ деревьевъ поперегъ плота. Они одними концами были прикрѣплены къ берегу, а другими къ судну, поставленному подлѣ плота противоположнаго берега. Такимъ твердымъ скрѣпленіемъ уничтожено самомалѣйшее движеніе и колебаніе плота.

Не смотря на всѣ принятыя предосторожности, нужно было еще опасаться случайностей, которыя могли произойти отъ быстроты, съ какою камень долженъ былъ скатиться.

Наконецъ насталъ день выгрузки.

Пологій скатъ на берегъ былъ окончепъ; всѣ люди поставлены по своимъ мѣстамъ. Данъ былъ знакъ, подпоры отпяли, и камень, вдругъ отъ своей собственной тяжести, скатился на берегъ. Шесть мачтовыхъ деревьевъ превратились въ щепы, какъ-бы тонкія жерди; работники при шпиляхъ свалились, не бывъ въ состояніи удержать быстроту камня. Пазы судна раскрылись и, въ продолженіи минуты времени, впустили въ трюмъ до 3 футовъ воды. Но скала спокойно лежала посреди столицы совершенно цѣлая. Никакого несчастія съ работниками не было.

Дальнѣйшее шествіе скалы отъ берега было истинно торжественное, въ присутствіи многихъ тысячъ жителей, въ числѣ которыхъ находился принцъ Генрихъ, братъ Фридриха Великаго.

Императрица, въ память совершенія подвига, доставленіемъ въ Петербургъ, посредствомъ механики, каменной горы, соизволила приказать вычеканить медаль, на одной сторонѣ которой представлено грудное изображеніе Ея Величества, безъ коропы, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и съ подписью: «Екатерина II,» а на оборотѣ медали изображенъ самъ камень, какъ его везутъ, съ помощью машинъ, съ надписью: «*Дерзновенію подобно*»; въ обрѣзѣ медали написано «Генваря 20, 1770 года». Исторія привоза камня изображена на трехъ мѣдныхъ большихъ доскахъ; на первой представляется страна, въ которой камень найденъ и естественное его положеніе въ землѣ; на другой—его видъ, когда онъ уже былъ вырытъ изъ земли, а на третьей—доставка его.

Издержки по доставкѣ обошлись въ 200,000 руб. Изъ обломковъ прекраснаго гранита, на память этого событія, многіе вставляли небольшіе камни въ перстни, серьги и другія украшенія, сохранившіяся и до нашего времени.

По окончаніи работъ для доставки камня, немедленно было приступлено къ постановкѣ на немъ всадника съ лошадью. Произведеніе это, также изумительное въ своемъ родѣ, совершено извѣстнымъ ваятелемъ Фальконетомъ. Онъ со всѣмъ усердіемъ изучилъ обликъ Петра Великаго и когда, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1769 года, окончилъ модель, то писалъ къ своему другу слѣдующія замѣчательныя слова:

«Совершилъ я свою работу! О, если-бы приведен-
«ный мною къ концу памятникъ достоинъ былъ и
«Монархини, оный воздвигнувшей, и великаго Мужа,
«имъ изображаемаго; благоугоденъ былъ той части
«народа, коего чувствительное сердце и высокій
«духъ обрѣтаетъ оную въ изящныхъ художествахъ;
«если-бы оный не постыдилъ ни художества, ни
«моего отечества, тогда-бы я могъ съ Гораціемъ
«сказать: *«не весь умру»*.

Послѣ продолжительнаго изученія облика великаго Монарха по разнымъ портретамъ, Фальконетъ принялся изучать анатомію лошади; выписалъ себѣ изъ Рима слѣпки головы, ногъ и бедръ знаменитаго коня Марка Аврелія. Говорятъ, будто-бы даже онъ спалъ въ конюшнѣ. Для того, чтобы изучить надлежащее положеніе скачущаго на гору коня, онъ при-

казалъ сдѣлать возвышеніе, которое имѣло точно такую же косвенную наклонность и отлогій скатъ, какъ и подножіе, на которомъ долженъ былъ находиться всадникъ съ лошадью. Искусный берейторъ долженъ былъ въ разные дни, то на томъ, то на другомъ конѣ, въѣзжать во весь опоръ на это возвышеніе, и такія упражненія повторялъ многократно и по нѣскольку даже разъ въ день. Фальконетъ, стоя ниже, внимательно изучалъ положеніе коня, какъ во время полнаго его бѣга, такъ и въ то мгновеніе, въ которое берейторъ вдругъ удерживалъ лошадь.

При постоянно дѣлаемыхъ подобныхъ наблюденіяхъ ваятель могъ вполнѣ изучать то движеніе, по которому конь въ данномъ направленіи долженъ былъ быть изображенъ на скалѣ. Независимо отъ упражненій съ берейторомъ, онъ обращался за совѣтами къ знатокамъ лошадей. Въ этомъ изученіи особенно полезенъ ему былъ Англійскій посланникъ Лордъ Каткортъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что положеніе, данное Фальконетомъ лошади, необыкновенно трудное. Конь, на полномъ скаку въ гору, взвился на дыбы и стоитъ только на заднихъ ногахъ. Для ра-

боты избрана обыкновенно употребляемая въ такихъ случаяхъ литая мѣдь (смѣсь мѣди, олова и цинка); вѣсъ опредѣленъ въ 1000 пудовъ. Литіе производилось 7 августа 1775 года въ особенно построенномъ для того домѣ, не далеко отъ скалы, и оно удалось вполнѣ. Въ этомъ важномъ дѣлѣ литейный мастеръ Хаиловъ весьма много содѣйствовалъ и даже съ опасностью для жизни. Изъ плавильной печи, въ которой производилось литье, стала вытекать изъ формы расплавленная мѣдь. При видѣ этой опасности всѣ работники и помощники литейнаго мастера разбѣжались отъ испуга, одинъ только неустрашимый Хаиловъ подобралъ вытекшую расплавленную мѣдь до послѣдней капли и обратно влилъ въ форму, нимало не страшась опаспости. Фальконетъ былъ тронутъ этою смѣлостью русскаго человѣка и честнымъ поступкомъ Хаилова; подбѣжалъ къ нему, разцѣловалъ его сердечно и оказалъ ему чувствительную свою благодарность, подаривъ нѣсколько рублей изъ своего собственнаго кошелька.

Всѣ издержки по сооруженію памятника простирались почти до полумилліона руб.

Отдавая полную справедливость заслугамъ Фальконета, современники обвиняли его въ томъ, что

будто-бы онъ злоумышленно обрубилъ камень такъ, что потомъ пришлось придѣлывать къ нему верхнюю часть. Сдѣлалъ онъ это въ тѣхъ видахъ, чтобъ менѣе восхищались скалою—чудомъ природы, а болѣе обращали вниманіе на произведеніе его рукъ.

Постановка всадника съ лошадью на скалѣ представляла собою окончательную трудность: надобно было дать статуѣ равновѣсіе и устойчивость. Фальконетъ помѣстилъ подъ ноги лошади змѣю, которая сдѣлана такъ естественно, что съ перваго взгляда нельзя замѣтить истиннаго ея назначенія, но она именно служитъ существеннѣйшею опорою всей статуѣ.

Какое же эмблемматическое значеніе Императрица Екатерина II желала придать памятнику въ его деталяхъ? Постараемся объяснить его, смотря пристально на эти частности и общій видъ памятника.

Дикая гранитная скала изображаетъ тѣ трудности, которыя долженъ былъ преодолѣвать Петръ Великій. Могучій его конь есть удачное выраженіе неутомимыхъ напряженій этого генія. Раздавленная змѣя—символъ уничтоженія враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Римская одежда напоминаютъ простыя правила жизни великаго Монарха. Вмѣсто сѣдла разо-

стлана кожа побѣжденнаго льва—что напоминаетъ намъ привычку героя ко всѣмъ неудобствамъ походной жизни. Положеніе статуи свободно. Могучая рука Преобразователя Россіи указываетъ на Неву, крѣпость и академію: этимъ изображается главная и постоянная цѣль его стремленія—создать морскую и сухопутную военную силу, распространить народное образованіе и ввести торговлю.

Голова героя украшена лавровымъ вѣнкомъ, выраженіе его лица и положеніе—величественны. Наконецъ самая надпись, сочиненная А. П. Сумароковымъ:

«Петру Первому Екатерина II»

чрезвычайно проста и въ тоже время необыкновенно краснорѣчива.

Продолжавшаяся 15 лѣтъ постройка монумента подстрекала любопытство жителей столицы скорѣе увидѣть открытымъ этотъ памятникъ, о которомъ говорила вся Россія и интересовалась Европа. 7 Августа 1782 года, какъ день коронованія Петра Великаго, избранъ былъ Екатериною, для торжественнаго открытія памятника. Открытіе это послѣдовало, въ присутствіи собравшихся на площади нѣсколькихъ сотъ тысячъ народа, слѣдующимъ порядкомъ:

*

Фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ, во главѣ полутораста тысячъ войска, со всѣми членами Правительствующаго Сената у Невы ожидалъ прибытія Монархини.

Въ 4 часу Ея Величество соблаговолила прибыть на шлюбкѣ. При выходѣ изъ оной, сопровождаемая генералитетомъ, она изволила шествовать и явилась на балконѣ Сената. По данному сигналу покрывавшій полотняный занавѣсъ опустился, и Императрица въ коронѣ, со скипетромъ въ рукѣ, преклонилась предъ монументомъ Петра Великаго. Барабанный бой, преклоненіе знаменъ, громъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, съ адмиралтейства, и съ Императорскихъ яхтъ возвѣстили всей столицѣ о совершившемся торжествѣ. На Невѣ, противъ памятника стоялъ 110 пушечный корабль: «*Гавріилъ*» съ Императорскимъ штандартомъ и впереди его ботикъ, дѣдушка русскаго флота. Четыре столѣтніе старца, современники Петра Великаго, были стражами памятника, а вечеромъ великолѣпная иллюминація освѣтила, кромѣ монумента, дворецъ Петра I, домикъ его, что на Петербургской сторонѣ, и находящійся тамъ же Троицкій соборъ.

Величественность памятника, воздвигнутаго Петру

Великому Екатериною Великою, вдохновила Рубана написать въ честь его слѣдующіе стихи:

Колосъ родосскій, днесь смири свой строгій видъ,
И Нильски зданія высокихъ пирамидъ,
Престаньте болѣе считаться чудесами:
Вы смертныхъ брепнами содѣланы руками.
Нерукотворна Росска здѣсь гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины,
И пала подъ стопы Великаго Петра.

Въ память дня открытія памятника Императрица повелѣла вычеканить медаль, на которой изображены: съ одной стороны Августѣйшая соорудительница памятника, а съ другой—самый памятникъ.

Императрица Екатерина II, почтившая память заслугъ Петра Великаго сооруженіемъ памятника, въ день столѣтія его коронованія 7-го Августа 1682—1782, совершила особенное торжество при гробницѣ его еще прежде, по слѣдующему поводу:

Извѣстно, что построенный Петромъ Великимъ Петропавловскій соборъ служитъ мѣстомъ погребенія всѣмъ его преемникамъ, и гробница его находится въ этомъ соборѣ, украшенномъ военными трофеями, добытыми храбростію русскихъ войскъ въ разныя

войны съ сосѣдними державами, а преимущественно съ Турціею.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трофеевъ, взятыхъ у Турокъ въ достопамятномъ Чесменскомъ бою Орловымъ, былъ адмиральскій турецкій флагъ. Этимъ трофеемъ Екатерина II желала украсить соборъ, устроивъ церемонію при гробницѣ Петра Великаго, по поводу блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками надъ турецкимъ флотомъ. Это торжественное празднованіе въ соборѣ представило Митрополиту Платону благопріятный случай во всемъ блескѣ явить талантъ своего краснорѣчія и, заслуживъ благоволеніе Императрицы, привести въ удивленіе придворный генералитетъ. Воспользовавшись этимъ столь важнымъ для Россіи событіемъ, увѣнчавшимъ созданіе Петра Великаго безсмертными лаврами, Екатерина Вторая повелѣла совершить поминовеніе въ Петропавловскомъ соборѣ, при гробѣ самого основателя россійскаго флота. Для этого избранъ былъ день поминовенія всѣхъ воиновъ, положившихъ животъ свой за вѣру, царя и отечество, праздникъ усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, августа 29 дня 1772 года.

По окончаніи заупокойной литургіи и панихиды

въ Петропавловскомъ соборѣ, Императрица, принявъ отъ Вице-президента адмиралтейской коллегіи, графа Чернышева, первый флагъ турецкаго адмирала, взятый при Милитени, подошла къ гробницѣ Петра Великаго и, преклонивъ колѣна предъ нею, повергла флагъ къ ея подножію въ знакъ признательности и сказала слѣдующія слова: «твоя отъ твоихъ тебѣ приношу.» Послѣ этого митрополитъ Платонъ съ каѳедры произнесъ слово въ вѣчную память Петра I, которую хотѣла Императрица соединить съ настоящимъ торжествомъ новой побѣды. Исчисливъ труды и побѣды Преобразователя Россіи, при оставшихся еще его современникахъ и потомкахъ, духовный витія, какъ бы вдохновенный свыше, воскликнулъ: «Возстань же теперь, Великій Монархъ, «и воззри на любезное изобрѣтеніе Твое: оно не «истлѣло отъ времени и слава его не помрачилася. «Возстань и насладися плодами трудовъ Твоихъ! «Флотъ Тобою устроенный уже не на морѣ Черномъ, не на Океанѣ Сѣверномъ. Но гдѣ? онъ на «морѣ Средиземномъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ «Константинопольскихъ, то есть въ тѣхъ мѣстахъ, «куда Ты нерѣдко око Свое обращалъ и гордую намѣ«ревался смирить Порту. О! какъ бы Твое, Великій

«Петръ, сердце возрадовалось бы... Но слыши! если, «мы Тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слыши: флотъ твой «въ Архипелагѣ, близъ береговъ Азійскихъ, Оттоман- «флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные «орлы торжествуя, именемъ Твоимъ весь Востокъ «наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны Ви- «зантійскія».

Столь внезапный переходъ рѣчи, столь смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразили слушателей изумленіемъ и даже невольнымъ страхомъ. Стоявшій у гробницы Петра I правнукъ его и наслѣдникъ Павелъ I испугался, какъ самъ послѣ сказывалъ Платону, что дѣдушка встанетъ изъ гроба. Посреди восторга и удивленія слушателей, среди торжества витіи, замѣтили на нѣкоторыхъ лицахъ улыбку, впрочемъ старательно утаиваемую. Нѣкоторые стали спрашивать, чему и какъ здѣсь можно улыбаться, когда у всѣхъ на глазахъ видны были слезы и всѣхъ души потрясены? Оказалось, что извѣстный своею добродушной остротой графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, услыша воззваніе Платона къ Петру Первому, тихонько сказалъ окружавшимъ его: «чего винъ его кличе? якъ устане, то всимъ намъ достанится.» Въ одно и тоже время воззваніе духовнаго

витіи удивило однихъ и простодушное замѣчаніе вельможи разсмѣшило другихъ, представивъ противоположность двухъ вѣковъ и двухъ царствованій, которую такъ искусно умѣла соединить Екатерина Великая.

Торжество это вдохновило поэта Екатерининскихъ временъ Рубана выразить желаніе Императрицы въ слѣдующихъ стихахъ:

«Приникни Петръ, съ небесъ, воззри на градъ твой нынѣ,
«И царствующей тамъ внемли Екатеринѣ:
«Она съ тобой дѣлитъ побѣдъ плоды,
«Священны чтя твои для пользы всѣхъ труды;
«Тебя зиждителемъ россійска флота славитъ
«И славы своея тебя началомъ ставитъ.
«Тебя виновникомъ считаетъ русскихъ благъ;
«У непріятелей отнятый ею флагъ
«Передъ стопы твои усердно полагаетъ,
«И жертвой сей твое столѣтіе вѣнчаетъ.

Въ своемъ благоговѣніи къ основателю Петербурга и величія Россіи, Императрица, какъ мы видѣли, чрезъ десять лѣтъ послѣ этого торжества открыла памятникъ, который, по красотѣ, величест-

венности и высокой идеѣ, не имѣетъ себѣ равнаго на всемъ земномъ шарѣ.

Къ разсказу нашему объ открытіи этого памятника мы должны еще прибавить, что это событіе ознаменовано было изданіемъ Высочайшаго манифеста, по которому всемилостивѣйше дарованы слѣдующія льготы: прощены преступники, присужденные къ смертной казни и тѣлесному наказанію; преданы забвенію всякаго рода взысканія по уголовнымъ дѣламъ, продолжавшимся болѣе 10 лѣтъ; освобождены изъ тюремнаго заключенія содержавшіеся за разныя преступленія; освобождены также всѣ содержавшіеся болѣе 5 лѣтъ подъ стражею за казенныя взысканія и за частные долги, и милость эта распространялась даже на наслѣдниковъ умершихъ въ тюрьмѣ людей. Всѣмъ отлучившимся самовольно изъ отечества, ежели они явятся въ назначенный срокъ, даровано прощеніе. Всѣ упущенія или начеты, касавшіяся казеннаго интереса, если они не превышали пятисотъ рублей, прощены. Начатыя слѣдствія по корчемнымъ дѣламъ и учиненныя о нихъ мнѣнія совершенно уничтожены и преданы забвенію; содержавшіеся по симъ дѣламъ подъ стражею освобождены. Наконецъ, всѣмъ оказавшимся

неисправными по должности, за исключеніемъ обличенныхъ во взяткахъ и умышленныхъ преступленіяхъ, даровано Всемилостивѣйшее прощеніе.

Въ числѣ прощенныхъ манифестомъ, изданнымъ по поводу открытія монумента, былъ курскій купецъ Иванъ Ивановичъ Голиковъ, который поставилъ Петру I памятникъ—не гранитный и не бронзовый, а историческій, собравъ и издавъ матеріалы для біографіи Великаго Монарха.

Скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Голиковъ родился въ Курскѣ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, и съ молодыхъ лѣтъ обнаруживалъ особенную любовь къ чтенію историческихъ книгъ. Первыя книги, которыя онъ страстно изучалъ, были: житія святыхъ, увлекательно описанныя въ Четьихъ Минеяхъ. Но случайнымъ образомъ попались ему въ руки записки: *«о полтавской побѣдѣ и взятіи Мазепиной»*, писанныя курскимъ архимандритомъ Михаиломъ, служившимъ нѣкогда при Петрѣ I полковымъ священникомъ. Записки эти возбудили въ немъ любопытство узнать побольше о Великомъ Преобразователѣ Россіи. Но въ Курскѣ не имѣлъ онъ случая достать русскихъ книгъ; только уже впослѣдствіи, находясь въ Москвѣ около

10 лѣтъ по торговымъ дѣламъ, онъ познакомился съ Петровскими современниками и слышанные отъ нихъ анекдоты записывалъ въ свою тетрадь. Избранный депутатомъ въ коммссію, онъ прибылъ въ Петербургъ и здѣсь уже собралъ болѣе свѣдѣній. Попалась ему русская книга въ переводѣ съ нѣмецкаго сочиненія, изданнаго въ Стокгольмѣ, въ которой было напечатано много предосудительнаго о Петрѣ Великомъ. Голиковъ сталъ собирать свѣдѣнія для опроверженія клеветъ, но попалъ подъ судъ за неисправности по казеннымъ подрядамъ и ему угрожало даже лишеніе чести и свободы.

Получивъ 7 августа 1782 г. свободу изъ заточенія по манифесту, въ день открытія памятника Петру I, котораго славныя дѣянія постоянно занимали его любознательный умъ, онъ былъ до того тронутъ и сердце его такимъ преисполнилось благоговѣніемъ къ памяти незабвеннаго и обожаемаго имъ героя, что прямо изъ тюрьмы отправился онъ въ церковь принести благодареніе Господу Богу и, помолившись за матушку Царицу Екатерину II, пришелъ на площадь Петровскую, гдѣ у подножія памятника, упавъ на колѣна, во всеуслышаніе произнесъ клятвенное обѣщаніе — посвятить всю свою

жизнь собиранію матеріаловъ для изображенія дѣяній этого Великаго Монарха.

Съ тѣхъ поръ, оставивъ коммерческія дѣла, немедленно началъ онъ приводить въ порядокъ свои записки о Петрѣ I, прежде имъ составленныя и, не ограничиваясь только свѣдѣніями, какія были ему доступны на русскомъ языкѣ, онъ нанималъ знающихъ иностранные языки для перевода книгъ о Россіи въ царствованіе великаго Императора. По всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только были слѣды царскихъ трудовъ и гдѣ Царь имѣлъ пребываніе и устраивалъ то верфи для кораблей, то разные заводы для усиленія мануфактурной промышленности, Голиковъ путешествовалъ и собиралъ отъ мѣстныхъ жителей оставшіяся преданія о жизни и подвигахъ Великаго Преобразователя.

Послѣ 6-лѣтнихъ трудовъ, въ 1788 году онъ приступилъ къ изданію собранныхъ имъ матеріаловъ, которые озаглавилъ: *Дѣянія Петра Великаго, Мудраго Преобразителя Россіи.* Императрица Екатерина II удостоила своимъ августѣйшимъ вниманіемъ трудъ Голикова, и его, бывшаго курскаго купца, соизволила пожаловать историографомъ Петра Великаго, повелѣвъ открыть сочинителю всѣ

архивы въ Имперіи. Чрезъ два года онъ кончилъ исторію, издавъ 12 томовъ. Но какъ изъ разныхъ мѣстъ присылались ему новые матеріалы, то съ 1790 г. сталъ онъ издавать дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго и, съ 1798 года, издалъ еще 18 томовъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 16 лѣтъ, со времени открытія памятника, онъ издалъ 30 томовъ, которые печаталъ въ Москвѣ.

Императоръ Павелъ I въ 1800 г. наградилъ И. И. Голикова за его историческіе труды чиномъ надворнаго совѣтника.

Кромѣ дѣяній Петра Великаго, Голиковъ издалъ въ Москвѣ анедокты о немъ, жизнь сотрудниковъ Петра—Лефорта и Гордона. Кромѣ того: сравненіе Великаго Петра съ Великимъ Константиномъ напечатано уже послѣ кончины Голикова, послѣдовавшей въ 1801 году.

Вотъ появившаяся въ печати эпиграмма на Голикова, по выходѣ въ свѣтъ первыхъ трехъ томовъ, изданныхъ имъ Дѣяній Петра Великаго:

Воспитанникъ дьячковъ, безграмотный писецъ!
Скажи, чьей властію ты сдѣлался творецъ?
Когда вскарабкался на трудную столь гору
И мракоумнаго бывъ непричастенъ вздору,

Свершилъ желаніе отечества сыновъ
И собственну къ нему явилъ свою любовь:
Великаго Петра дѣянія чудесны,
Труды, старанія, сколь были намъ полезны,
Явилъ трудами ты толико многихъ лѣтъ,
Творенію его давно гордится свѣтъ;
Но кто-жъ достойно то изобразить потщился?
Судьбой былъ избранъ ты, съ усердіемъ стремился,
Покрылъ лѣнящихся ученыхъ всѣхъ стыдомъ,
Безсмертія достигъ похвальнымъ столь трудомъ.

Хотя труды Голикова историческая критика не признаетъ отвѣчающими научнымъ требованіямъ и приписываетъ ему много невполнѣ вѣрныхъ разсказовъ, но нельзя не отдать ему справедливой заслуги въ томъ, что безъ его патріотической заботливости многіе матеріалы не были бы спасены отъ гибели и едва-ли въ скоромъ времени Россія могла бы дождаться ихъ изданія, когда только во второй половинѣ XIX столѣтія приступили къ собранію и изданію матеріаловъ въ спеціальныхъ журналахъ. За Голиковымъ въ этомъ отношеніи навсегда останется заслуга неотъемлемая.

При обозрѣніи памятника Петра I благодарные Россіяне не забудутъ Голикова, крестьянина Ве-

шнякова, литейнаго мастера Халлова, отдавая вмѣстѣ съ тѣмъ полную справедливость заслугамъ Фальконета и гр. Карбурія.

Предъ этимъ же монументомъ, спустя 20 лѣтъ послѣ его открытія, происходило новое юбилейное торжество, которымъ знаменитый въ лѣтописяхъ міра Императоръ Александръ Благословенный, подобно своей Бабкѣ, благоговѣвшей къ памяти Петра Великаго, почтилъ заслуги его, какъ основателя столицы, по поводу совершившагося въ 1803 году столѣтія со времени основанія Петербурга.

Этотъ столѣтній юбилей былъ празднуемъ въ-продолженіи трехъ дней 15, 16 и 17 мая.

Въ первый день юбилейнаго празднества 20,000 отборнѣйшаго войска, предводительствуемаго самимъ Императоромъ Александромъ I, явилось на площади предъ монументомъ Петра Великаго—воздать честь заслугамъ этого героя и Отца отечества. Оно проходило церемоніальнымъ маршемъ и салютовало преклоненіемъ знаменъ предъ изображеніемъ монарха. Громъ орудій и ликованіе народа напомнили столицѣ юбилейное торжество Екатерининскихъ временъ. Депутація отъ города всеподданнѣйше поднесла Государю Императору большую золотую ме-

даль, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ профиля Петра Великаго, увѣнчаннаго побѣдоноснымъ вѣнкомъ, съ надписью кругомъ: «отъ благодарнаго потомства», а на оборотѣ ея представленъ сѣверный Геркулесъ, покоящійся на основаніи города, имъ заложеннаго въ 1703 году; а на щитѣ его представленъ видъ столицы въ 1803 году.

На другой день въ Петропавловскомъ соборѣ была совершена божественная литургія и панихида; по Высочайшему повелѣнію, отъ лица всей Россіи положена на гробницѣ Петра Великаго медаль, которая была поднесена Государю отъ народа въ незабвенное свидѣтельство предъ грядущими вѣками, насколько память его священна для Россіи.

При положеніи медали Митрополитъ Амвросій произнесъ слѣдующія слова: «Отецъ отечества! Исполняя волю достойнаго твоего преемника Александра I возложеніемъ на гробъ твой сего памятника-медали, въ знаменіе къ тебѣ его благоговѣнія, умоляемъ Бога, упокоющаго душу твою въ своихъ селеніяхъ, да откростъ тебѣ съ онымъ нашу признательность за твои благодѣянія, признательность всего правительственнаго сословія, признательность всего царствующаго града, тобою основанна-

наго, признательность всей Россіи, тобою возрожденной и просвѣщенной и чтити имя твое во вѣки вѣковъ обязанной».

Министръ юстиціи, извѣстный поэтъ Г. Р. Державинъ, при положеніи медали, сдѣлалъ слѣдующую надпись:

Приникни съ высоты, великій мужъ
И вижды—потомки полагаютъ
На прахъ твой знакъ, и благородныхъ душъ
Заслуги въ гробѣ согрѣваютъ.

Кромѣ Петропавловскаго и въ Исакіевскомъ соборѣ, въ присутствіи Императрицы и всего Двора, было совершено торжественное служеніе, послѣ котораго префектъ академіи, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, Евгеній Болховитиновъ сказалъ рѣчь, въ который изложилъ основную мысль, что Всевышній особенно благоволилъ къ основателю сего града.

И дѣйствительно, нельзя не согласиться съ словами этого витіи, что перстъ Божій благословилъ всѣ начинанія Петра Великаго. Смѣлый Русскій Царь рѣшается основать столицу на чужой землѣ, еще не уступленной сосѣдями—Шведами, на дебряхъ едва проходимыхъ, на зыбяхъ неспособныхъ къ

основанію, и при всемъ томъ, Царь самою природою разслабленное мѣсто укрѣпляетъ; одною рукою созидаетъ, а другою въ тоже время обороняется отъ Шведовъ. Могъ ли бы Петръ все это совершить и даже камень основанія Петербургу положить, если бы самъ не былъ твердо увѣренъ въ содѣйствіи Божіемъ. Ибо совершеніе предпринятаго имъ дѣла превосходило человѣческія силы.

Что же признательное потомство влечетъ къ памятнику Петра Великаго, какъ не полное сознаніе его поддашныхъ, что онъ основалъ величіе Россіи, создавъ флотъ и преобразивъ его? Вотъ почему, при всѣхъ юбилейныхъ, въ честь Петра Великаго, празднествахъ, выставляется на показъ народу дѣдушка русскаго флота, и народъ идетъ въ домикъ Петра Великаго, напоминающій ему, что въ немъ для блага Россіи трудился Царь Петръ I.

О значеніи этихъ двухъ памятниковъ, столь чествуемыхъ народомъ, скажемъ нѣсколько словъ. Безъ знанія прошедшаго нельзя понимать и настоящаго; связь прошедшаго съ настоящимъ указываетъ на наше будущее и воспоминанія историческія объ отечественныхъ памятникахъ не могутъ быть не драгоцѣнны для каждаго русскаго.

Вотъ, что Царь записалъ въ свою тетрадь о ботикѣ: «Случилось намъ быть въ Измайловѣ на льняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣвъ я судно, спросилъ Франца Тимермана, что это за судно? онъ сказалъ, что это ботъ англійскій. Я спросилъ, гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при кораблях для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ сго образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно»....

Случайное открытіе ботика послужило началомъ основанія русскаго флота, исторію котораго мы изложимъ въ одной изъ слѣдующихъ бесѣдъ; а здѣсь только укажемъ, какія Царь дѣлалъ празднества въ честь дѣдушки русскаго флота и какія празднества готовятся къ торжественной ему встрѣчѣ въ Москвѣ, по поводу предстоящаго юбилея Петра I.

Увѣнчанный лаврами побѣдъ надъ Шведами и достигнувъ апогея своей славы, награжденный

титуломъ Императора, Великаго и Отца Отечества, Царь Петръ, прибывъ въ Москву въ 1722 году, вспомнилъ о своемъ ботикѣ и приказалъ, для украшенія празднества въ Петербургѣ, по поводу заключеннаго со Шведами мира, доставить ботикъ въ новую столицу.

Дорожа этимъ памятникомъ, столь драгоцѣннымъ русскому народу, который уважаетъ его, какъ святыню и оказываетъ ему почести, какъ-бы живому существу, Петръ Высочайше повелѣть соизволилъ доставить ботикъ въ Петербургъ со всевозможною осторожностію, дабы не испортить стараго судна; а потому и приказано было—ѣхать только днемъ и миновать, по возможности, выбои, а съ горы спускать его по-тихоньку.

Въ инструкціи, данной сержанту гвардіи, которому была поручена доставка ботика, указаны подробныя наставленія, какъ хранить его отъ пожаровъ и разныхъ случайностей. Нѣсколько параграфовъ этой инструкціи написаны собственноручно Царемъ, что указываетъ на особенное уваженіе его къ ботику, послужившему образцомъ для начала судостроенія въ Россіи и по справедливости названному *дѣдушкой русскаго флота*.

Дѣдушка русскаго флота своею величиною не превосходитъ небольшую шлюбку и вѣситъ менѣе 80 пудовъ. Длина его 19 ф. 9 д., ширина 6 ф. 5 д., высота отъ киля до верха 2 ф. 8 д. Высота мачты 21 футъ и флагштока 8 ф. 9 д. Онъ выкрашенъ красною краскою и по борту его идетъ полоса, состоящая изъ треугольниковъ бѣлаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Надъ этой полосою въ кормовой половинѣ, на нѣсколько возвышенной части борта, по черному нарисована желтою краскою гирлянда.

На кормѣ съ наружной стороны представленъ старецъ съ посохомъ, въ бѣлой одеждѣ и красной шапкѣ съ крестомъ. Съ лѣвой стороны домъ, а съ правой судно, идущее подъ парусомъ. Все это рѣзное изъ дерева, также какъ и двѣ головы въ родѣ львиныхъ. Съ внутренней стороны кормы въ черномъ полѣ на бѣломъ щитѣ нарисованъ русскій гербъ. Артиллерія ботика состояла изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ орудій.

Давъ приблизительное понятіе о видѣ ботика, разскажемъ теперь: какую торжественную встрѣчу сдѣлалъ Царь Петръ ботику въ новой своей столицѣ.

27 мая 1723 года Государь отправился на встрѣчу его въ Шлиссельбургъ, а Императрица съ генералитетомъ 29 мая прибыла въ Невскій монастырь.

По прибытіи Императора на ботикѣ находившіяся у монастыря суда привѣтствовали приспущеніемъ флаговъ, которое сопровождалось салютомъ изъ орудій со стѣнъ монастыря. Ботикъ отвѣчалъ также 3 выстрѣлами изъ своихъ пушечекъ и къ нему былъ поставленъ почетный караулъ отъ Преображенскаго полка.

30 мая того же 1723 года, въ день своего рожденія, Государь на ботикѣ, въ сопровожденіи судовъ Невскаго флота, отправился къ Троицкой площади, гдѣ Троицкій соборъ. При появленіи ботика сдѣланъ былъ ему салютъ изъ Петропавловской крѣпости. Послѣ торжественнаго молебна въ соборѣ былъ обѣдъ у Государя, во время котораго были предложены *четыре* тоста, сопровождаемые салютомъ съ царской яхты; *первый*—во славу Божію, *второй*—въ честь Августѣйшаго Имянинника, *третій*—въ честь дѣдушки русскаго флота, *четвертый* за благоденствіе русскаго флота.

Послѣ этого чествованія, ботикъ былъ поставленъ

въ Адмиралтейство и при немъ назначенъ почетный караулъ.

Царь Петръ не ограничился этими двумя торжествами, въ честь дѣдушки русскаго флота, но пожелалъ сдѣлать ему почетный пріемъ среди его взрослыхъ многочисленныхъ внуковъ, какихъ уже много находилось въ русскомъ флотѣ.

Съ этою цѣлію 11 Августа Государь на ботикѣ отправился къ Котлину, гдѣ собранъ былъ флотъ изъ 20 линейныхъ кораблей и одного фрегата, не считая мелкихъ судовъ; флотъ этотъ состоялъ подъ начальствомъ гр. Апраксина.

Не будемъ описывать морскаго парада и всѣхъ эволюцій, данныхъ въ честь дѣдушки русскаго флота взрослыми его внуками.

По окончаніи парада и обѣда, бывшаго въ военной гавани въ палаткахъ, построенныхъ изъ корабельныхъ парусовъ, Императоръ на ботикѣ возвратился въ Петербургъ и повелѣлъ поставить ботикъ въ Петропавловскую крѣпость.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины своей, Петръ Великій 30 августа 1724 года въ послѣдній разъ плавалъ на ботикѣ, вотъ по какому случаю:

Невскій монастырь основанъ Петромъ I въ 1710

году, въ память одержанныхъ надъ Шведами побѣдъ въ XIII столѣтіи кн. Александромъ Невскимъ. Когда въ 1723 году было окончено строеніе Александро-Невской церкви, то Императоръ повелѣлъ изъ Владимірскаго Рождественскаго собора мощи св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго привезти въ Петербургъ и этимъ 30 августа 1724 г. ознаменовать празднованіе Ништадскаго мира, заключеннаго со Шведами.

Святыя мощи, въ сопровожденіи отправленной изъ Петербурга депутаціи изъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, везены были до Новгорода сухимъ путемъ, а тамъ были поставлены на богато пріуготовленную для этого яхту. Государь съ многочисленною свитою вышелъ на встрѣчу депутаціи къ устью Ижоры и, перенеся св. мощи изъ яхты собственными руками на свою галеру, повелѣлъ сановникамъ грести веслами, а самъ взялъ управленіе рулемъ.

При пушечномъ громѣ и радостныхъ восклицаніяхъ народа, стекавшагося на обоихъ берегахъ Невы, продолжалось путешествіе водою до Александро-Невскаго монастыря, гдѣ Государь былъ встрѣченъ

дѣдушкою русскаго флота, всею гвардіею и духовенствомъ въ полномъ облаченіи.

Императоръ самъ поднялъ раку и при пушечныхъ и оружейныхъ выстрѣлахъ и колокольномъ звонѣ понесъ онъ мощи подъ богатымъ балдахиномъ въ Александроневскую церковь на назначенное имъ мѣсто. Къ этому крестному ходу въ монастырской оградѣ присоединилась Императрица съ Великими Княжнами и придворными дамами.

По поводу 200-лѣтняго юбилея имѣетъ быть церемоніалъ торжественнаго слѣдованія ботика Петра Великаго изъ Петропавловской крѣпости до зданія политехнической выставки въ Москвѣ. Въ назначенный для церемоніи день и часъ, на Петровской набережной, у монумента Петра I, выстроятся, по распоряженію военнаго вѣдомства, части сухопутныхъ войскъ, учрежденныхъ въ его царствованіе, а отъ флота — часть гвардейскаго и флотскаго экипажей и морскаго училища; на той же площади соберутся: а) назначенные участвовать въ церемоніи морскіе и сухопутные чины; б) депутаты отъ Московской политехнической выставки, в) члены городской депутаціи и г) поучаствующіе въ строю морскіе чины. На Невѣ сдѣлаются слѣду-

ющія распоряженія: а) дворцовый мостъ разведется, б) къ набережной Петровской площади устроится пристань, для остановки ботика, в) вдоль рѣки по правой сторонѣ отъ крѣпости до зданія морскаго училища, расположатся линіи судовъ гвардейскаго экипажа, флота и яхтъ-клуба; г) дугой по Невѣ, между крѣпостью и новымъ адмиралтействомъ, по лѣвой сторонѣ, выстроятся въ линію гребныя Кронштадтскія суда, отъ каждаго судна по шлюпкѣ съ флагами при офицерахъ. Ботикъ поднимется съ мѣста нижними чинами гвардейскаго и флотскаго экипажей, имѣющими знаки отличія, и перенесется на приготовленную для его пріема баржу, причемъ на ботикѣ поднимутся штандартъ, флагъ и гюйсъ, на бакѣ же разложится штандартъ, сохраненный отъ временъ Петра Великаго. Къ ботику поставятся на часы въ караульной формѣ: на кормѣ два гренадера дворцовой роты, по обѣимъ сторонамъ два воспитанники морскаго училища и два морскихъ унтеръ-офицера, у носа два унтеръ-офицера полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго въ мундирахъ временъ Петровскихъ. Баржа съ ботикомъ на буксирѣ катера, подъ флагомъ генералъ-адмирала, проведется срединой Невы между

линіями судовъ, сопровождаемая катерами совѣта главнаго командира, коменданта крѣпости и всѣхъ начальствующихъ лицъ подъ ихъ флагами; когда баржа съ ботикомъ подойдетъ къ передовому въ линіи судну, то на всѣхъ судахъ люди разойдутся по вантамъ, а гдѣ есть реи, по реямъ, и по мѣрѣ прохожденія ботика вдоль линіи судовые караулы отдадутъ ему честь съ барабаннымъ боемъ и музыкою, а люди, стоящіе на реяхъ, будутъ кричать шесть разъ ура. Подойдя къ Петровской набережной, баржа съ ботикомъ остановится у пристани и начнется торжественное молебствіе съ водосвятіемъ. Послѣ многолѣтія царствующему дому, провозгласится вѣчная память императору Петру I и благоденствіе русскому флоту, при пушечной пальбѣ. По спускѣ молитвеннаго флага баржа съ ботикомъ будетъ продолжать слѣдованіе подъ среднюю арку Николаевскаго моста къ Галерному островку и къ пристани Путиловскаго товарищества, въ сопровожденіи всѣхъ гребныхъ судовъ; по достиженіи пристани, ботикъ перепесется съ баржи на пристань и постановится на приготовленную платформу желѣзной дороги; при появленіи ботика на берегу, его встрѣтитъ городская депутація, морскіе чины по два отъ каждаго чина, почетный караулъ

дворцовыхъ гренадеръ и взводы войскъ, встрѣчавшихъ его на Петровской набережной. По прибытіи поѣзда съ ботикомъ въ Москву, поѣздъ по соединительной вѣтви направится до вокзала московско-курской желѣзной дороги, откуда, при почетныхъ караулахъ морскомъ и сухопутномъ, ботикъ на рукахъ желающихъ изъ числа присутствующихъ перенесется къ устью рѣки Яузы, гдѣ спустится на рѣку Москву. Ко времени прибытія ботика на набережной и пристани морскаго отдѣла соберутся ассистенты ботика, депутація отъ города Москвы и назначенные для пріема: караулъ дворцовыхъ гренадеръ и части мѣстныхъ войскъ; тутъ же выстроятся прибывшіе въ Москву депутаты учрежденныхъ при Петрѣ I войскъ, а отъ флота—представители морскаго училища, гвардейскаго и I-го флотскаго экипажей. Когда ботикъ подойдетъ къ пристани морскаго отдѣла, стоящія войска у пристани отдадутъ ему честь; ботикъ же перенесется на рукахъ въ отдѣлъ выставки, на предназначенное ему мѣсто. Въ продолженіе пребыванія ботика въ зданіи выставки, при немъ будетъ состоять офицерскій морской караулъ, отъ котораго будутъ находиться постоянно два часовыхъ и, кромѣ того, вѣчасы, когда выставка бу-

детъ открыта для публики, два морскихъ инвалида. Самый церемоніалъ состоится 27 мая.

Кто изъ насъ не бывалъ въ домикѣ Петра I? Кто изъ русскихъ, прибывъ въ столицу, не идетъ прежде всего помолиться въ этомъ домикѣ передъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя? Даже иностранцы, посѣщающіе Петербургъ, отыскиваютъ этотъ домикъ, какъ жилище славнаго Государя, обладателя обширной и богатой Имперіи и самодержавнаго повелителя милліоновъ подданныхъ. И съ какимъ удивленіемъ иностранцы смотрятъ на этотъ домикъ великаго Монарха, вовсе не похожій на дворецъ! Уютно и скромно стоитъ онъ близъ Невы, въ части города, всего менѣе другихъ замѣчательной. Величиною онъ—всего въ 9 сажень длины, въ 3 ширины и состоитъ только изъ 3 комнатъ.

Судя по наружности, казалось бы совсѣмъ нѣтъ ничего особеннаго, что могло бы привлекать къ нему толпы народа, усердно идущаго въ домикъ и со свѣтлымъ взоромъ выходящаго оттуда.

Привлекаютъ русскій народъ въ этотъ домикъ—воспоминанія о Петрѣ I, работавшемъ для блага Россіи; и поэтому домикъ этотъ, при всей незатѣйливой обстановкѣ, дорогъ каждому русскому человѣку.

Стѣны въ немъ увѣшаны образами и въ главномъ углу первой комнаты помѣщается икона нерукотворенаго образа Спасителя. Передъ нею Царь, вполнѣ сознавая великую отвѣтственность за счастіе милліоннаго народа, порученнаго Провидѣніемъ самодержавному его управленію, изливалъ свои горячія молитвы Господу, Царю царей. Икона эта была свидѣтельницею глубокихъ думъ и великихъ дѣлъ Петра; она сопутствовала ему въ походахъ и спасла ему жизнь подъ Полтавою.

Въ домикѣ хранятся собственноручныя работы Царя: 1) деревянный стулъ съ кожаною подушкою, 2) яликъ съ остатками парусовъ, 3) скамейка, на которой, сидя у дверей своего домика, основатель любовался флагами развѣвавшимися на его государевомъ бастіонѣ и 4) рама оконная со свинцовымъ переплетомъ.

Когда домикъ этотъ полтораста лѣтъ тому назадъ былъ новъ, тогда вокругъ его была почти пустыня, едва проходимыя болота и густой лѣсъ. Теперь какая разница. Разница такая, какая между Россіею Петровской и Россіею теперешнею Александровскою. А этою разницею мы обязаны Петру Великому строителю этого домика, основателю Петербурга и

созидателю величія Россіи. Мы только пожинаемъ плоды отъ этихъ благотворныхъ сѣмянъ, которыя онъ бросилъ на финскія тундры и взлелѣялъ своею заботливостію. Вотъ почему и въ юбилейное торжество 30 мая текущаго года жители Петебурга явятся въ этотъ домикъ возносить молитвы ко Всевышнему объ успокоеніи души усопшаго Великаго Монарха и о ниспосланіи силы и крѣпости его Преемнику, нынѣ благополучно царствующему Императору, для довершенія начатыхъ Имъ, по примѣру своего Предка, преобразованій, давшихъ совершенно другой видъ Россіи и представляющихъ всѣ средства для народнаго образованія.

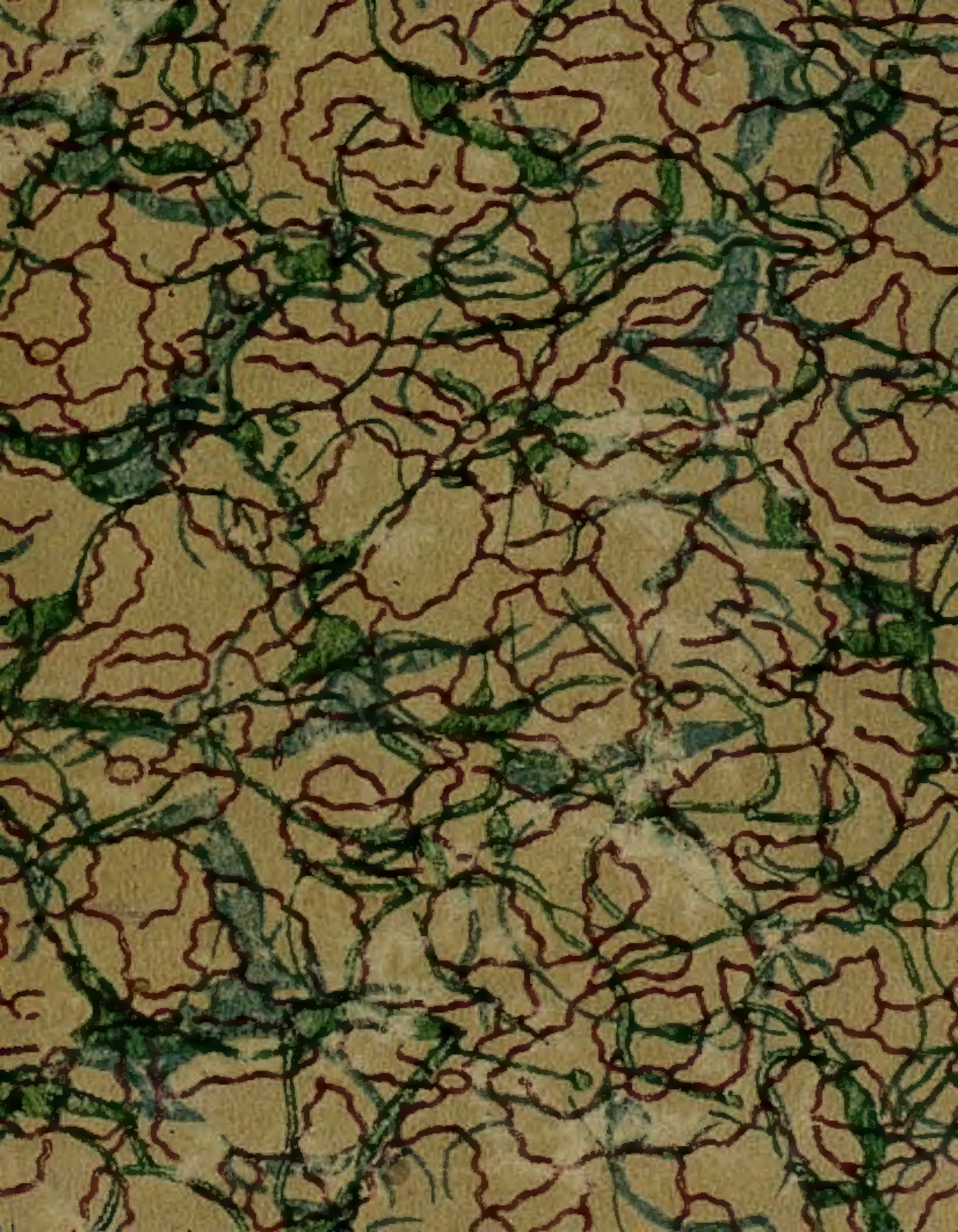
торской публичной библіотеки, 9 мая 1867 г., другая, въ память 50-ти лѣтняго юбилея дипломатической службы государственнаго канцлера **Князя Александра Михайловича Горчакова,** 13 іюня 1867 года. Фотографическія копіи съ этихъ картинъ могутъ быть пріобрѣтаемы у издателя, съ препровожденіемъ, за славянскую картину 3 руб., а дипломатическую 5, за обѣ вмѣстѣ 7 р. съ доставкою.

5) Высокопреосвященный **Евгеній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.** Біографическій очеркъ. Первый выпускъ 1871 г. 4°, съ портретомъ; цѣна 3 руб.

6) **Старина Русской земли.** Сборникъ историко-археологическихъ изслѣдованій и монографій г. профессора московскаго университета **Ивана Михайловича Снегирева.** Спб. 1871.

7) **Публичныя бесѣды о Петрѣ Великомъ,** читанныя въ залѣ Городской Думы, по поводу предстоящаго 200-лѣтняго юбилея рожденія Преобразователя Россіи. Къ каждому чтенію будетъ приложена картина, изображающая эпизодъ изъ жизни юбиляра. Цѣна каждому выпуску будетъ не дороже 20 коп., (печатаются).

8) **Русскіе дѣятели.** Выпускъ I. **Павелъ Александровичъ Мухановъ,** съ портретомъ (печатается). II. **Графъ Л. А. Перовскій** (печатается).

Для библіотекъ *семинарскихъ* и *народныхъ* и *гимназическихъ* и *публичныхъ* дѣлается съ объявленной цѣны 10% уступки, если таковыя непосредственно обратятся къ самому издателю и если за одинъ разъ для одной библіотеки будутъ выписаны всѣ поименованныя изданія, то таковыя доставляются *безъ платежа пересылочныхъ* и *укупорочныхъ*. Частнымъ лицамъ, которые соблаговолятъ обратиться съ своими требованіями прямо къ издателю, сдѣлана будетъ уступка 10% и безплатная пересылка на тѣхъ же, что и выше условіяхъ. Адресъ требователя долженъ быть написанъ съ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи и указаніемъ почтоваго мѣста, куда можно адресовать потребованныя изданія. Книгопродавцы, какъ столичные, такъ и провинціальные могутъ обращаться съ требованіямъ по слѣдѣющему адресу: въ Петербургъ Антону Доминиковичу Ивановскому, по Фонтанкѣ, № 102.

2007099166